

ДІАВЛО
Цена света и
ТЪМЫ

АВТОР: ДЖОНАТАН
МЭЙБЕРРИ

Автор

ДЖОНАТАН МЭЙБЕРРИ

Редактор

ЭРИК ГЕРӨН

Консультанты по истории мира

ИЭН ЛАНДА-БИВЕРС

Творческие консультанты

ЛЬЮИС ХАРРИС, ВИБВЕН
КӨСТИ, ДЖӨ ШЕЛИ, ДЭНИЕЛ
ТАНГЕ

Продюсер

БРИАННА МЕССИНА

Дизайн

КӨРИ ПЕТЕРШМИДТ

Иллюстрации

ЕНЧЖЭ ЧАН

© Blizzard Entertainment, Inc., 2023. Blizzard и логотип Blizzard Entertainment являются товарными знаками или зарегистрированными товарными знаками компании Blizzard Entertainment, Inc. в США или других государствах.

Цена света и тьмы

О нем ходит множество легенд и сказаний. Его имя — Клат-Ульна. Его прозвали Золотым, хотя в каждой истории его доспехи окрашены в ярко-алый цвет — цвет крови тех, кто осмелился бросить ему вызов.

Я, Тежаль, видела его во снах. Видела, как он пришел в Шарвальские леса, в маленький городок под названием Святой Призыв.

Если вы не знаете об этом месте, то слушайте — и узнаете, что Клат-Ульне там понадобилось. Разжигайте ярче огонь в камине, запирайте дверь, садитесь ближе и внимайте. Я до сих пор слышу звон святого колокола, который висел на колокольне, возвышаясь над всем городом. Этот колокол привезли сюда из Кураста, и жители возрадовались, ибо он был благословлен самим Светом, а значит, станет городу защитой.

Так думали все. Но мудрые люди знают, что ни один талисман никого ни от чего защитить не может. Это всего лишь символ надежды. Между верой и реальностью — огромная пропасть; о ней-то и поведает моя история. Я расскажу вам всю правду — страшную правду — о том, что случилось, когда на звон колокола явился Клат-Ульна....

— И это все, на что ты способен?

Юноша расставил ноги пошире, согнул колени и слегка подпрыгивал, перенося вес с одной ступни на другую. В одной руке он держал короткий меч с широким лезвием, к запястью другой был примотан маленький щит. На обнаженной груди и плечах блестел пот, по лицу сбегали мокрые дорожки.

— А я-то думал, боевые хряки — грозные противники! — подначивал он. — Давай, нападай! Я отправлю тебя обратно в Преисподнюю, а потом...

— Чего? — только и спросил старик, который стоял, опершись на рукоять тренировочного манекена. — Ты опять за свое, Дженкс? Боевые хряки? Что это значит вообще? Давно у нас свиньи сражаться начали?

— Да будет тебе, Бикельман, — Дженкс выпрямился. — Не просто свиньи, а *боевые хряки!* Ты что, никогда не слышал старых песен?

— Ну и что это за твари? Вепри с топорами? А может, секачи с секирами?

— Это демоны из...

— Довольно, — оборвал его Бикельман. — Так мы с тобой далеко не уйдем. Ты уже большой мальчик, нечего играть в игры. В этом мире полно *настоящих* чудовищ и без всяких демонов.

— Но...

— Никаких «но»! — рыкнул Бикельман. — Демонов уже давно нет. А будешь поминать их без дела, так того и гляди призовешь! Лучше

вообрази себе врагов, с которыми *на самом деле* придется сражаться.

— И кто это? Обычные *люди*? Пф, скукотища.

— Скукотища? *Скукотища*?! — старик закатил глаза и покачал головой. — Ты всем рассказывал, как хочешь стать паладином, воином Света, героем закарумской веры! В детстве ты был слишком хилым, чтобы тренироваться! А теперь подрос и уже на что-то годишься, и я решил, что ты хотя бы *попытаешься* подойти к делу серьезно! Эти тренировки важны, Дженкс! Я учу тебя сражаться с бандитами и солдатами, ворами и головорезами с большой дороги. Вот где настоящая опасность! И если они заявятся в город, ты должен их встретить! Неужто я многого прошу от тебя?

Дженкс, которому исполнилось семнадцать лет и который путешествовал всего пару раз в жизни и то до ручья Паромщика, густо покраснел.

— Я серьезно подхожу к делу, — буркнул он.

— Тогда веди себя соответственно. Демоны, которых ты себе сам придумал или вытащил из детских страшилок, только отвлекают от настоящих врагов. И ты бы это понял, если бы потрудился заглянуть в исторические свитки. Паладин должен мыслить практично. Быть реалистом. Тебе полагается читать не сказки, а священные писания, но не думаю, что ты хоть раз их открывал.

— Открывал... — ошетинился Дженкс и тихонько пробормотал: — Чуть-чуть.

— Ну-ну, — старик крутанул рукоять, и манекен ожил. Деревянные руки провернулись с огромной скоростью.

Дженкса застали врасплох. Ему пришлось резко присесть, чтобы уклониться от огромной верхней руки, затем лягушкой перескочить через нижнюю. Он упал наземь, перекатился и встал — как раз тогда, когда ему в живот полетела средняя рука. Но он и тут увернулся: выгнулся назад, как танцор. Четвертая рука вращалась вокруг оси быстрее, чем три остальных, но он отразил ее щитом и с глухим стуком всадил оружие в «сердце» врага — холщовый мешок, набитый соломой. И расплылся в победоносной ухмылке.

— Ха! — выкрикнул Дженкс. — Боевой хряк мертв!

Бикельман пнул один из стержней, на которых держался манекен, и противоположный конец ударил парнишку прямоком в промежность. Тот издал пронзительный писк и рухнул на колени. Деревянный меч выпал из ослабевшей руки. Дженкс скорчился, окрасился в невероятно яркий красный цвет и завалился на бок.

Хромая, старик приблизился к парню и встал над ним, смотря сверху вниз.

— Ох уж эти боевые хряки! Те еще пройдохи. А, парень?

Дженкс попытался заорать на него. Выкрикнуть в лицо страшнейшие проклятья. Попытался сообщить, что вообще-то ему, Дженксу, ни капли не больно. Попытался встать на ноги и показать, что все с ним в порядке.

Но у него ничего не вышло.

Бикельман отвернулся и плюнул по ветру, да так ловко, что попал точно в центр мешка-мишени в форме сердца.

— Неплохая тренировка вышла, Дженкс, — бросил он сухо. — Может, завтра покажешь, как убивать зомби-ежей или другую падаль.

Дженкс перевернулся на другой бок. Его стошнило.

Старик снова взглянул на ученика.

— Ты славный парень, Дженкс. Но чтобы стать *мужчиной*, придется потрудиться. Взгляни на меня: сейчас я самый обычный старикан, но когда-то был паладином, и ты это знаешь. Задолго до того, как ты появился на свет, но не так давно, чтобы я успел забыть, каково это — скрестить клинки с вражеским воином. Мои мускулы все помнят, мои кости помнят, сердце и разум помнят. Я сражался не с чудовищами, а с воинами, обученными убивать. Уж поверь, нет ничего страшней, чем воин из плоти и крови, который умеет держать меч и который твердо решил обгадить клинок твоей кровью. Я усвоил это еще в походах Раккиса. Не прошло и ночи, когда мне не снился бы звон металла и крики умирающих. Не снилось, как я стою по щиколотку в крови моих братьев и сестер. Моих друзей, — он покачал головой. — Люди опаснее любых чудовищ. Не нужно ничего придумывать.

А потом Бикельман вдруг тепло улыбнулся.

ӨН СТАЛ ПРӨВӨРНЫМ, ЛӨВКИМ И
НАУЧИЛСЯ ӨБРАЩАТЬСЯ И С МЕЧӨМ, И С
КӨПЬЕМ, И С ЛУКӨМ.

ВӨТ ТӨЛЬКӨ СРАЖАТЬСЯ БЫЛӨ НЕ С КЕМ.

— Увидимся за ужином, — молвил он и поковылял в сторону города, насвистывая гимн, который они с друзьями когда-то пели, отправляясь на войну.

Дженкс все-таки сумел подняться. Постоял немного и снова сел, прислонившись спиной к манекену. Когда адские муки начали отступать и к нему вернулись мысли, он сразу сосредоточился на боли. Позволил ей быть. Заставил себя принять страдания — такова плата за то, чтобы стать воином. Без боли нет доли.

Бикельман хромал потому, что когда-то ему в бедро всадили копье. Старый кузнец Редхарн мог похвастаться шестью шрамами от клинка и стрелы. Таких, как эти двое, в городе жило немало. Половина стариков и старух побывала на войне, где сражалась за святую веру. Они щеголяли шрамами, заработанными в битвах, а зимними вечерами развлекали гостей историями о боевых подвигах.

А вот что до воинов помоложе...

Из крестовых походов не вернулось целое поколение. Дженкс часто придумывал истории, как все эти люди отважно погибли, как сражались почти без сил, невзирая на боль, истекая кровью. Герои, да и только. Он в этом не сомневался.

Но то были всего лишь фантазии. Между жителями города зиял огромный разрыв в возрасте. На войну ушли все, начиная с тех, кто был несколькими годами моложе Бикельмана, и заканчивая теми, кто всего на год старше Дженкса. Даже самые юные из всех — мальчишки и девчонки — едва закончив школу, отправились в поход учиться на

оруженосцев, копейщиков или лучников.

Все ушли.

Все погибли.

И никто не знал, как именно. Разумеется, о павших слагали песни. Кое-какие даже пели в церкви, но Дженкс знал, что это все выдумки. Такие же выдумки, как его боевые хряки с гоблинами. Баллады о героях писали родственники и друзья: то всегда были песни о славе и доблести — чтобы не так болело сердце и потеря не казалась такой тяжелой.

Дженкс знал: ему тоже полагалось уйти, но он тогда болел и ни на что не годился. А когда наконец вышел победителем из маленькой битвы с болезнью, все большие битвы закончились.

Дженкс жаждал войны. Ему исполнилось уже целых семнадцать лет, он давно выздоровел, а долгие часы тренировок — неделя за неделей, месяц за месяцем — закалили его тело и дух. Он стал проворным, ловким и научился обращаться и с мечом, и с копьем, и с луком.

Вот только сражаться было не с кем.

Сидя у манекена, он умолял мироздание, чтобы оно ниспослало ему шанс стать настоящим воином. Встать перед каким-нибудь чудовищем или головорезом и защитить тех, кого любит. То была его величайшая мечта, ради нее он тренировался днем и ночью. Но, как он отлично знал, ей не суждено сбыться.

— Жаль, война закончилась, — произнес он, ни к кому особо не обращаясь. — Ну, может, другая начнется...

Тогда-то он и услышал крики.

Незнакомец стоял у городской окраины. Спрятавшись за углом амбара, Дженкс пялился на гостя во все глаза.

Он никогда таких не видывал.

К ним явился воин громадного роста. Куда выше, чем Здоровяк Горф, куда мощней, чем кузнец Редхарн, и выглядел так, будто вышел

прямоком из старых сказаний. Огромные плечи, огромная грудь, гигантские боевые рукавицы и чернящие глаза, от которых так и разило холодом. Здоровенная статуя из музея смерти. Облачен в доспехи из странного металла, который почему-то показался Дженксу знакомым. Доспехи эти покрывало настоящее золото, хотя блеск его несколько потускнел из-за вмятин и царапин, оставленных сотней, а то и тысячей битв. Из наплечников, еще более широких, чем огромные плечи, рос целый частокол шипов. Такие же шипы торчали из локтей, из щита, из поножей и даже из тяжелых сапог. Узоры на доспехах складывались в кости и черепа — символы смерти. Приглядевшись, Дженкс с удивлением различил на груди символ Закарума. Из-под доспехов виднелась толстая шея и лысая голова чужака: на них Дженкс увидел татуировки — грубые, уродливые и зловещие.

А потом он заметил оружие.

Вначале — кинжалы с простыми рукоятями: такие созданы не для того, чтобы ими похвалялись впустую. А затем — здоровенную булаву, перекинутую через мощное плечо. Настолько здоровенную и тяжелую, что, казалось, сражаться ею попросту невозможно. Ее навершие по форме напоминало церковный колокол; разве что оттуда, где должен был виднеться стальной язык, торчали все те же острые шипы, и еще пара шипов, изогнутых, как когти хищной птицы, выростала из «ушей»

— стальных петель, на которые колокол обычно подвешивают. На другой конец длинной рукояти неизвестный кузнец приделал стальной шар. Воин, который носит с собой такое оружие, не может не вселять страх. Он способен на что угодно.

Незнакомец смотрел на главную улицу городка. Ненадолго задержал взгляд на людях: те пялились на него из-за повозок, из-за приоткрытых штор или дверей. Жители перешептывались. Кто-то говорил, что к ним явился варвар из пустошей. Другие настаивали, что это друид пришел творить темное колдовство. Но все как один чертили в воздухе знаки оберегов да бормотали молитвы.

Черные глаза незнакомца скользнули дальше и остановились на высокой колокольне единственной церквушки в Святом Призыве. Там висел закарумский колокол — куда старше, чем сам городок. Его выковали и освятили на востоке, а затем привезли на запад во времена крестовых походов. Говорят, что такие колокола часто оставляют в лагерях в надежде, что вокруг них вырастут города из верующих. Так и вышло со Святым Призывом. Колокол на башне был единственным и очень древним сокровищем в этом бедном городишке, но когда люди смотрели на него, они чувствовали себя богатыми духом: им было во что верить. Стоял солнечный полдень. Тень от колокольни падала аккуратно вдоль улицы и всего какой-то пары дюймов не дотягивалась до обитых сталью сапог незнакомца.

Чужак опустился на колени, потрогал тень пальцами и закрыл глаза. Дженкс увидел, как он глубоко вздохнул, медленно выдохнул и кивнул сам себе. А потом выпрямился во весь рост и огляделся.

— Жители Святого Призыва, — прогремел он. — Я Клат-Ульна из племени Медведя, один из детей Бул-Катоса. Меня прозвали Золотым.

Его голос эхом прокатился среди зданий. Окна задрожали, с деревьев сорвались стайки птиц.

— Я пришел сюда по важному делу, — продолжил воин. — Мне нужен стальной колокол, что висит у вас на башне. Принесите его, и я уйду прочь. Никто не пострадает. Если откажетесь или попытаете меня остановить — я убью всех вас. Каждого мужчину и женщину, даже детей

— ТЫ ЧТО, ЛУЧШИЙ ВОИН ЭТОГО
ГОРОДА? — СПРОСИЛ ВАРВАР.

не оставлю. Клянусь.

С этими словами он ухватился за рукоять булавы, взмахнул ей и вонзил шипастое навершие прямо в тень от колокольни. От тяжелого удара земля содрогнулась. Дженкс услышал испуганные вздохи и сдавленные крики.

Затем воцарилась полная тишина. Никто не шелохнулся. Никто не вызвался принести колокол этому варвару. Дженкс даже приободрился: решил, что сейчас целый город объединится и задавит чужака числом.

Но тишина ничем не нарушалась. Варвар посмотрел на одного жителя, на другого, на третьего, а потом фыркнул себе под нос со злобой и отвращением.

— Раз так, я сам его заберу, — объявил он и угрожающе шагнул вперед. Подошва сапога опустилась на тень колокольни.

— Неужто здесь не найдется ни единого воина? — спросил он. — Никто даже не попытается доказать, что в этом городе еще жива доблесть?

Он снова огляделся, придерживая булаву одной рукой.

Тишина была ему ответом.

Дженкс увидел, как он поморщился от разочарования, а потом расплылся в мрачной ухмылке.

— Я так и думал, — объявил воин и поднял оружие. — Печально, что чести среди вас не осталось. Не осталось героев. Что вы расскажете детям, когда я уйду? Какие истории придумаете, чтобы оправиться от позора? Какую лапшу будете вешать на уши путникам?

Никто не вышел из домов и лавок, никто не бросил вызов Клат-Ульне. Но никто и не побежал за колоколом. Тишина тянулась, и тянулась, и тянулась.

Клат-Ульна сплюнул в пыль.

Дженкс крикнул испуганной вороной, шархнулся назад и едва не

упал. Потом развернулся и побежал прочь.

Клат-Ульна не поворачивал головы, хотя чувствовал, как жители плятятся на него со всех сторон. Он знал, что они шепчутся, проклинают его, молятся. Все это он слышал уже много-много раз.

Через сколько городов он прошел? Даже вспомнить невозможно. Некоторые поселения он не тронул, но куда чаще разрушал и сжигал, пропитывал землю кровью, оставлял груды тел хищникам на потеху. Он давно забыл названия тех городов, а имена мертвецов и вовсе не знал. И не жалел о том. Они ничего для него не значили.

Вот и с этим городом все будет так же.

Церковь возвышалась над ним, и Клат-Ульна буквально *ощущал*, как колокол взывает к нему. Ждет, что его заберут. Мечтает об этом.

А потом из теней за большими дубовыми дверьми выступила фигура. На клинке огнем блеснул солнечный луч.

Клат-Ульна остановился внизу у лестницы.

Он думал, что никого не встретит. Ну или встретит всех сразу. Такое тоже случалось: город, где не находилось героя, порой вооружался ржавыми мечами, вилами и косами и выходил против чужака. Но тут был особый случай. На лестнице стоял паренек на вид лет шестнадцати или семнадцати. Совсем мальчишка. На голове у него красовался древний шлем, повидавший виды, тело закрывала ржавая кольчужка. На ногах поножи не по размеру, в одной руке — крошечный щит.

А в другой — меч.

Клат-Ульне этот меч понравился. То был добротный меч, настоящий, боевой. О нем явно хорошо заботились, в отличие от доспехов: затачивали, смазывали маслом. Вот только следов на нем никаких нет — ни зазубрин, ни насечек. Значит, совсем новый. Еще неопробованный в бою. И в руке мальчика.

— Ты что, лучший воин этого города? — спросил варвар.

Лихорадочно натягивая броню, Дженкс релетировал речь, которую скажет великану. И вот этот миг настал. Он заговорил, но слова застряли в глотке и превратились в бессвязное бормотание. Пришлось сглотнуть и попробовать снова.

— Я Дженкс Гриндельсон, — объявил он. — Защитник Святого Призыва. Ты не войдешь в эту церковь. Ты не заберешь наш колокол. Ступай с миром и не пострадаешь.

Клат-Ульна пристально смотрел на него целых три секунды, а потом запрокинул голову и так загоготал, что весь мир содрогнулся.

На лбу Дженкса выступил холодный, противный пот. По спине под рубахой текли ледяные ручейки. Рукоять меча заскользила в ладонях, пришлось перехватить ее поудобнее. И еще раз. И еще. Оставалось только молиться, чтобы лицо не выдало ужаса.

— Знаешь ли ты, что это такое, малец? — спросил Клат-Ульна, указывая на татуировки на шее.

Дженкс не рискнул отвечать.

— Я собрал много сокровищ — таких, как этот колокол. Рисунки рассказывают судьбу городов, которые я навестил, — таких, как этот городишко. В каждом было полным-полно последователей Закарума. Все считали, будто их защитит *вера*, — он сделал шаг вперед. — От всех этих городов остался лишь пепел. А от людей, которые пытались укрыться от тьмы, остались лишь обугленные кости среди развалин. Свет никого не спас.

Дженксу показалось, будто каменная ступенька у него под ногами вдруг пошатнулась.

— Некоторые из этих городов были в пять раз крупнее Святого Призыва. В некоторых навстречу мне выходила дюжина воинов, а то и больше. Закаленных воинов из крестовых походов. Я позволил им надеть доспехи и получить благословения в церкви. Они шли на бой с освященными копьями и мечами, с молитвами, вырезанными на клинках.

ӨН ПӨДНЯЛ БУЛАВУ И ЗАМАХНУЛСЯ,
ЦЕЛЯСЬ ДЖЕНКСУ В ГӨЛӨВУ.

ӨРУЖИЕ ВЕСИЛӨ НЕ МЕНЬШЕ САМӨГӨ
ПАРНИШКИ, НӨ КЛАТ-УЛЬНА МАХАЛ ИМ,
СЛӨВНӨ ИВӨВӨЙ ПАЛКӨЙ.

И скажу тебе, малец, молитвы им не помогли. Я, Клат-Ульна, перебил всех. А ведь то были настоящие воины.

Он поставил ногу на нижнюю ступень.

— А ты кто? Юнец, подросток в дурных доспехах с мечом, который не познал крови. Такие сопляки даже задницу себе подтирать не умеют — чего уж говорить о битвах, — он покачал головой. — Да, у тебя одного в целом городе хватило духу выйти против меня. И все же... малец... шансов у тебя никаких. Я прошел тысячи боев. Я пересек реки крови. Даже с татуировками я не могу перечесть всех городов, которые разрушил, и людей, которых убил. Но... я уважаю отвагу, которая растет в тебе. Вот почему я окажу честь твоему храброму сердцу.

Варвар приставил булаву к стене и, не сводя глаз с Дженкса, расстегнул ремни нагрудника. Доспехи рухнули вниз, но воин стремительно протянул руку — быстрее, чем змея хватает добычу — и успел их поймать, а потом медленно положил на землю. Затем отстегнул шипастые наручи и снял наголенники. Стянул хлопковую рубаху. Остался в одних кожаных брюках, сапогах и свирепых татуировках.

— Вот теперь бой будет честным, — произнес он. — Теперь ты можешь победить. Хотя... я дам тебе последний шанс, малец. Дай мне забрать колокол и останешься жить, — он поднял булаву, которая теперь, когда он остался без доспехов, выглядела еще более здоровенной и грозной. — Отойди.

— Я... не могу, — тихо пробормотал Дженкс. — Колокол призывает к нам Свет. Его звон отгоняет тьму. Это сердце города.

Внутренним взором Дженкс вдруг увидел лица родителей, дядьев и теток — всех его родных, которые ушли на войну. Ему показалось, будто сейчас они стоят рядом с ним: откликнулись на безмолвную мольбу и пришли поддержать в бою со страшным варваром. Дженкс ощущал руку

отца на плече, поцелуй матери на щеке. Они были холодны — но куда холоднее была его, Дженкса, кровь, струившаяся в жилах.

«Помоги мне, Акарат, — взмолился он. — Направь мою руку. Даруй ловкость и мудрость».

Варвар затмевал собой весь свет. Он был реален и смертоносен, будто в нем воплотились все ужасы и вся ненависть мироздания.

Дженкс покачал головой.

— Я не могу позволить забрать колокол. Не могу.

— А придется, — ответил Клат-Ульна. — Тебе меня не остановить. Верней, не так. Даже если ты попробуешь меня остановить, это не будет иметь никакого смысла. Никакого значения. Никто не вспомнит, что сегодня случится. О тебе не сложат баллад, не напишут песен. Ты просто обратишься в пыль — и ветра времени унесут ее прочь.

Дженксу отчаянно хотелось зарыдать. Закричать. Убежать и спрятаться.

Но вместо этого он собрал всю силу, которая в нем оставалась, поднял меч, не знающий битвы и вкуса крови.

— Я тебя не пропущу, — повторил он. — Если попытаешься пройти, я, Дженкс Гриндельсон из Призыва Святого, убью тебя. Клянусь.

Клат-Ульна вздохнул.

Ему не хотелось убивать паренька. Не потому, что жалел — такого чувства у него просто не было, а потому что сам бой выходил бессмысленным. Мальчик ничего не мог ему противопоставить. Нет никакой доблести в том, чтобы прикончить безбородого юнца в городе, полном трусов.

Клат-Ульна поднял булаву и дал Дженксу как следует ее рассмотреть. Тяжелое оружие покрывали золотистые руны. Золото для них взяли с одного из колоколов, который варвар снял с башни в одном из закарумских городов.

— Я предложил тебе жизнь, малец, — промолвил он. — Но раз ты жаждешь смерти, ты ее получишь.

Однако первым ударил Дженкс.

Парнишка отлично понимал, что у него есть всего один шанс, и этот шанс — внезапность. Он поднял меч, а затем прыгнул на нижнюю ступень и одновременно обрушил оружие на врага, вложив в этот удар весь вес своего тела, клинка и страха.

Клат-Ульна уклонился с нечеловеческой быстротой, но кончик Дженксова меча все же прочертил раскаленную красную линию от ключицы до ребер. Потекла кровь; в тени церквушки она казалась почти черной.

Но Дженкс не стал стоять разинув рот, а бросился в атаку, размахивая мечом снова и снова, надеясь достать варвара быстрее, чем тот обретет устойчивость.

Клат-Ульна уклонился от второго удара, а третий сшиб огромным кулаком.

— У тебя быстрая рука, малец, — засмеялся он. Противник его впечатлил.

— И смелое сердце. Ты умрешь зная, что смог пролить кровь, хотя большинство тех, кто опытней и сильнее тебя, не справились даже с этим.

Он поднял булаву и замахнулся, целясь Дженксу в голову.

Оружие весило не меньше самого парнишки, но Клат-Ульна махал им, словно ивовой палкой. Дженкс вскрикнул и нырнул вниз, и гигантская булава прошла в каких-то дюймах от его макушки. Врезалась в церковную дверь и разбила ее на куски. Во все стороны полетели щепки, острые, как стрелы. Дженкс почувствовал, как в него вонзаются десятки болезненных игл, а потом — как по коже стекает горячая кровь.

Клат-Ульна снова ударил булавой, на сей раз на высоте пояса. Дженкс

и тут уклонился, присел и по-лягушачьи скакнул вверх, ударяя мечом вперед.

Он так и не понял, как варвар умудрился достать его. Удар пришелся в грудную клетку. Все, что парень осознал, — это то, что он летит спиной вперед через дверной проем. А потом рухнул на пол и проскользил десяток ярдов, пока не замер. Каким-то чудом меч остался в руке, но вот грудная клетка горела так, будто ее раздавило колесом телеги. Дженкс перекатился на руки и колени, отчаянно кашляя и не веря, что остался в живых.

Остатки двери снесло с петель мощным ударом булавы — и в дверной проем медленно вошел Клат-Ульна. Не сводя глаз с парня, двинулся к нему, поднимая оружие.

Дженкс бросился вперед, перекатился, и булава влетела в пол как раз там, где он только что лежал. От удара парня подбросило и швырнуло вбок, на скамейки. Они перевернулись и повалились одна за другой, словно костяшки в домино.

— Помоги мне, Акарат! — вскричал Дженкс, с трудом пытаясь подняться на ноги. В конце концов ему это удалось; он обернулся и увидел, как по проходу к нему неспешно шагает Клат-Ульна. Дженкс пустился бежать.

Дверь, ведущая в колокольню, была прочной: дубовой, окованной железом. Дженкс захлопнул ее за собой и задвинул засов. Неподалеку стоял книжный шкаф с церковными гимнами. Парень поспешно придвинул его к двери.

А потом что было сил побежал вверх по винтовой лестнице. На каждой площадке он останавливался и сталкивал вниз всю мебель, которую находил. А когда наткнулся на бочку с маслом для лампад, то вылил на ступени все до последней капли.

Дверь внизу содрогнулась. Раз. Другой. И взорвалась. Дерево разлетелось на куски, стальные ленты погнулись, гвозди зазвенели о стены.

Клат-Ульна протиснулся внутрь и глянул вверх. На какое-то мгновение их с Дженксом взгляды пересеклись. Варвар-убийца по-прежнему

В КАЖДОЙ ТЕНИ ЕМУ МЕРЕШИЛИСЬ ГЛАЗА МАЛЬЧИШКИ.
НЕПРОВОДИМЫМ ВЕРА ДЖЕНКСА, ЕГО УБЕЖДЕННОСТЬ В
ТОМ, ЧТО ВСЕ ИМЕЕТ СМЫСЛ, НАВАЛИЛИСЬ НА ВАРВАРА
НЕВИНОВОЙ ТЯЖЕСТЬЮ.

улыбался, но улыбка его как-то неумовимо изменилась. Неужто его впечатлило, как Дженкс сопротивляется? «Должно быть, так и есть», — подумал парень, хотя понимал, что эта мысль вряд ли согреет его, когда он будет лежать мертвым на полу.

Варвар начал подниматься по лестнице, неторопливо разламывая защитные ограждения Дженкса одно за другим. А тот бежал все выше и выше, пока бежать уже было некуда. Перед ним висел колокол. Стальной. Идеально чистый. Священный.

Дженкс положил на него ладонь и отчаянно взмолился.

«Свет, даруй мне силу. Акарат, помоги мне. Ты мне нужен. Я делаю, что могу, но один не справлюсь. Помогите!»

И тут облака в небе разошлись, чистый солнечный луч проник в колокольню. Луч озарил лицо Дженкса золотым сиянием, и отвага вернулась в сердце паренька. Он перехватил меч поудобнее и поднял, чтобы солнечный свет — драгоценный Свет — коснулся стального клинка и даровал ему свою милость. Дженкс почувствовал, как его наполняют новые силы.

Он взглянул на колокол и сквозь слезы прокричал:

— Клянусь, я не дам ему забрать тебя! Клянусь своей жизнью!

И тут сзади послышались шаги.

Он обернулся как раз тогда, когда Клат-Ульна вышел на платформу.

— Почему ты готов умереть за этот колокол?

— Это не просто колокол, — возразил Дженкс. — Это моя церковь, моя вера. Со мной сам Свет.

Варвар опустил оружие и покачал головой.

— Ты понятия не имеешь, как устроен мир, малец. Думаешь, что все знаешь, но понимать и верить — разные вещи. Мир — поганое

место. Невинные души вроде тебя так и рвутся умереть бесславной бессмысленной смертью. Думаешь, раз на тебя падают лучи света, то он тебя защитит? Думаешь, ты был рожден, чтобы спасти этот колокол? Что это твоя судьба? Ты слеп, Дженкс из Святого Призыва. Видишь только то, чему тебя научили, а это как ходить в доспехах с огромной дырой. Уж я-то знаю. Я сразил тысячи — *тысячи!* — тех, кто думал так же, как ты. Кто верил так же, как ты. Свет их не спас, и тебя не спасет.

— Ты лжешь! Я знаю, в чем истина! Ты посланник зла, а со мной сам Акарат. Эта церковь — священное место, этот колокол священен, и ты этого не изменишь!

— Мне нравится твоя отвага, парень, — произнес Клат-Ульна. — Я сражал рыцарей и королей трусливее тебя. Ты мне кое-кого напомнил... Друга. Брата, с которым я впервые отправился воевать. Вы с ним похожи: смелости хватило бы на десятерых. Но... одной смелости маловато. Одной чистотой души ничего не изменишь. Ни то, ни другое не спасло моего друга. Я оплакал его и прикончил убийцу. Так я понял, что мир жесток и что вера лжет.

Он помолчал пару секунд и продолжил.

— Не хочу тебя убивать. Надо бы убить, но я все же повторю: отдай колокол, и я пощажу и тебя, и весь твой город. Твоя отвага спасет друзей и семью, но колокол я должен забрать. А теперь... отойди.

Дженкс рыдал, но ему было все равно. Он снова поднял меч.

— Я жизнью поклялся защищать Святой Призыв. А колокол — часть города. Если заберешь его, чего тогда стоит моя жизнь? Я проживу остаток дней, зная, что подвел и свой народ, и церковь, — он упрямо покачал головой. — Тебе придется убить меня, чтобы забрать его. Но знай: это будет нелегко.

Клат-Ульна пристально уставился на него.

— Да ты даже *говоришь*, как мой друг.

На краткий миг в его глазах промелькнула такая печаль, что Дженкс подумал, будто убийца сейчас сдастся. Просто развернется и уйдет восвояси.

Однако и в его сердце поселилась неуверенность. И уже пускала

корни.

— Нет уж, — отрезал парень, обращаясь к самому себе. — Свет не может врать. Это истина.

И Свет мягко коснулся его щеки. Все тут же прояснилось. Дженкс поднял меч и выкрикнул молитву.

Никто не пришел на помощь.

С тяжким вздохом Клат-Ульна тоже поднял булаву.

Клат-Ульна медленно брел по улице. Впервые за много лет — гораздо больше, чем варвар мог сосчитать — булава тяжело давила на плечо. Хотя нет, дело не в булаве... истинная тяжесть крылась в сердце. Клат-Ульна вспоминал потерянного друга и то, что только что сотворил.

Шипы на булаве поблескивали алым. Колокольню запятнали кровавые брызги. Малец не солгал: убить его и вправду было нелегко. Сражался до самого конца, даже когда понял, что умирает. Дженкс боролся — хотя варвар переломал ему ребра и руку, размозжил скулу, выбил один глаз, а второй залило кровью. Сквозь обломки зубов парень молился Свету и проклинал Клат-Ульну. Он был растерзан, искалечен и одной ногой уже в могиле — но упорно стоял между варваром и колоколом.

Он погиб с мечом в руках. И даже тогда, когда упал, когда меч сломался, малец попытался достать им Клат-Ульну.

Так умер последний паладин Святого Призыва. Клат-Ульна стоял над ним и смотрел, как вздымаются и опадают сломанные ребра, вздымаются и опадают, вздымаются... опадают... и уже не двигаются. Этот бессмысленный бой так разозлил варвара, что тот едва не выбил пинком меч из руки мальчика.

Едва.

Вместо этого он продолжил недвижимо стоять, будто отдавая противнику последние почести. Он не делал так уже долгие годы, с тех пор как сгинул его друг. В мертвом лице Дженкса Гриндельсона он видел

черты своего старого приятеля.

— Проклятый малец, — выдохнул он наконец.

Снял колокол и ушел.

Когда он нацелил броню и вышел на улицу, то заметил на площади с десяток горожан. Каждый из них сжимал в руках некое подобие оружия. Люди увидели колокол, но не увидели Дженкса, и Клат-Ульна заметил, как переменялись их лица. Заметил ярость и боль, страх и отчаяние.

Он двинулся мимо. А когда они попытались приблизиться, бросил короткое «Нет».

Они отвернулись и зарыдали, а он покинул городок.

Спустя полдня ходьбы он добрался до гор и отыскал место, где привязал лошадь. Сгущались ночные тени. Варвар снял с седла котел, развел огонь и напильником проделал в металле отверстия для глаз и щель для рта. Потом примерил. Для горожан то был славный колокол, а для него, Клат-Ульны, вышел славный шлем. Как и было задумано. Он дополнял его доспехи, и это было хорошо, это было правильно. Варвар долго простоял в лунном свете с закрытыми глазами, разведя руки и сжав кулаки.

Потом он достал остальные доспехи из мешка и надел их. Пристроил шлем. Приготовился ощутить гордость, ради которой зашел так далеко. Его путешествие заняло много лет, и вот, наконец, завершилось.

Но шлем тяжело давил на плечи, а гордость все не приходила. Вместо нее явилась печаль, когда он вспомнил о мальце по имени Дженкс.

Несмотря на заблуждения, на веру в Свет, у мальчика было чистое сердце. Искреннее и храброе.

Клат-Ульне показалось, будто эта чистота обжигает его изнутри, как огнем. В каждой тени ему мерещились глаза мальчишки. Непокколебимая вера Дженкса, его убежденность в том, что все имеет смысл, навалились на варвара невыносимой тяжестью.

Он шагнул к лошади, и доспехи слегка звякнули. А Клат-Ульна услышал звон сотен колоколов, снятых с башен закарумских городов. Будто само снаряжение решило обернуться против него. Невольно варвар остановился, по коже пробежал холодок.

Он взялся за поводья, но, прежде чем сесть в седло, обернулся назад, на город Святой Призыв.

Там остались и другие мальчишки. Они вырастут, возмужают и будут свято верить в Свет. На миг он задумался, не станет ли эхо его доспехов — звоном колоколов, которые однажды призовут их на войну, а похищенная реликвия — символом, который придаст силу и смысл жизни новым поколениям паладинов? А когда это случится, не отправятся ли эти паладины на его поиски? Не откроют ли охоту на его сородичей?

Так оно и будет. Сомнений нет.

Сердце его преисполнилось тоски.

Варвар надолго закрыл глаза, а потом, наконец, оседлал лошадь и поехал прочь, на восток.

Пусть меня не было в тот день в Святом Завете, но я все видела своими глазами. У меня, Тежаль, случаются такие прозрения, и в этом мое проклятие.

В той битве никто не одержал верх, а если кто скажет иначе, то значит, он ничего не смыслит в том, как творится история и чем живут людские сердца.

Клат-Ульна не победил. А мальчик не проиграл.

Дженкс стал легендой среди жителей своего города. Пусть он погиб, но его отважное противостояние варвару вдохновило других юнцов Святого Призыва. Все отложили игральные карты и кости и взялись за мечи. Дженкс показал им, что еще остались идеалы, за которые стоит сражаться и даже умирать.

Эти мечи до сих пор ярко сверкают в огнях войны, и надежда придает силы рукам, в которых они покоятся.

А что до Клат-Ульны, то его история не закончена. Его еще ждут реки золота и крови — даже спустя столько лет, потраченных на то, чтобы перековать колокола в доспехи. Колокола, снятые с церквей,

чтобы отомстить вере, которая однажды отвернулась от него. Он думал, что когда водрузит последнюю деталь на голову, то вновь обретет целостность. Что в некотором роде обретет дом — хотя объяснить, как это должно было сработать, он не смог бы даже самому себе.

Но для таких, как он, нигде нет дома. И не будет. Война взывает к нему, чужая кровь поет ему сладкие песни. Он захватчик и останется захватчиком до самого конца. Он будет резать и крушить еще много-много раз... но знакомцы его говорят, что после того, что случилось в Святом Призыве, он изменился. Навсегда.

ДЖОНАТАН МЭЙБЕРРИ — автор бестселлеров *New York Times*, пятикратный лауреат премии Брэма Стокера, трехкратный лауреат премии Scribe Award и обладатель премии Inkpot Award, составитель антологий, учитель литературного мастерства, автор комиксов и редактор журнала *Weird Tales*. Среди его работ — серия книг о Джо Леджере, а также книги *Rot & Ruin*, *Kagen the Damned*, *Ink*, *X-Files*, *V-Wars*, *Glimpse*, *Black Panther*, *Captain America*, *Wolverine*, *Punisher*, *Bad Blood*, *The Wolfman*, *Mars One* и многие-многие другие. Кроме того, он возглавляет ассоциацию International Association of Media Tie-In Writers. Сейчас он живет в Сан-Диего со своей женой Сарой и маленькой, но отважной собачкой по кличке Розы.

У ТЕЖАЛЬ ПРИПАСЕНО
ЕЩЕ МНОГО ИСТОРИЙ.
ЖДИТЕ НОВЫХ
РАССКАЗОВ ОТ
ХЕДАДЖИ.